Значит ли, что в исследовании Г. П. Макогоненко все бесспорно?

В шестой главе (на стр. 522—545) автор тщательно аргументирует свой взгляд на Карамзина. И хотя он неоднократно делает оговорки относительно неправильности отождествления Карамзина-политика и Карамзина-художника, но в его собственном изложении политическая позиция Карамзина заслоняет объективное значение его творчества. Г. П. Макогоненко правильно усматривает и в идеологии, и в творчестве Карамзина реакцию на французскую революцию 1789—1793 годов. Однако ведь и немецкая классическая философия была реакцией на французскую революцию, и вся европейская романтика начала века была реакцией на французскую революцию. В этих различных по форме, да и по существу идеологических явлениях отразился поступательный ход исторического развития так же, как в творчестве Карамзина было исторически прогрессивное начало — идея личности, ее ценности, ее непреходящего значения, идея, сохранявшая для России свое прогрессивное значение до революции 1905 года.

Нам кажется, что в вопросе о Карамзине Г. П. Макогоненко не проявил обычно свойственной ему самостоятельности подхода к явлениям литературы. Многое в его трактовке Карамзина напоминает точку зрения, высказанную В. Н. Орловым,[3] где Карамзин рассматривается только как идеолог реакции. Г. П. Макогоненко, в других случаях очень убедительно полемизирующий с В. Н. Орловым, в данном вопросе молчаливо присоединился к нему. В итоге — изложение литературных позиций Карамзина получилось тенденциозным и пристрастным. Не следовало бы сопоставлять идеологию Карамзина и художественное творчество Радищева, как это сознательно и бессознательно делает Г. П. Макогоненко. Объективный сравнительный анализ творчества этих двух завершителей русской литературы XVIII века дает все основания для утверждения мысли (от которой так пренебрежительно отмахивается Г. П. Макогоненко) о существовании двух направлений в русском сентиментализме. Может быть, следовало бы в книге о Радищеве больше места и внимания уделить внутренним противоречиям радищевского творчества, о которых сказано бегло (стр. 500). Между тем без понимания этих противоречий мы не сумеем объяснить структуру стиля радищевской прозы, так удручающе действовавшего на Пушкина.

---

[3] В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800 годов. Гослитиздат, М., 1956.